

ЖАНИН
МАРШ

МОЯ прекрасная

ЖИЗНЬ
во Франции

В ПОИСКАХ
ДЕРЕВЕНСКОЙ ИДИЛЛИИ

Более 1000
положительных отзывов
на Amazon

Жанин Марш
Моя прекрасная жизнь
во Франции. В поисках
деревенской идиллии
Серия «Travel Story. Книги для отдыха»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66261226
Марш, Жанин. Моя прекрасная жизнь во Франции. В поисках
деревенской идиллии: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-158066-7

Аннотация

Престижная карьера в Лондоне, любящий муж, друзья и уверенность в завтрашнем дне. У Жанин Марш было все, но поездка за вином во Францию изменила ее жизнь. Старый деревенский дом без удобств покорила ее сердце, и, бросив работу, она вместе с мужем переехала в район Семи долин. Ей предстоял ремонт полуразрушенного дома, приобщение к местным традициям и знакомство с жителями деревни, уход за домашними животными и большим участком земли. Несмотря на все трудности, забавные и неловкие случаи, Жанин обрела невероятный опыт, незабываемые эмоции, новых друзей и место, которое можно называть настоящим домом.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Сырым, холодным днем	10
Глава 2. C'est la vie [3]	22
Глава 3. Un coup de foudre [8]	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Жанин Марш
Моя прекрасная жизнь
во Франции. В поисках
деревенской идиллии

Janine Marsh

My good life in France. In Pursuit of the Rural Dream by
Janine Marsh

© Janine Marsh, 2017

© First published in Great Britain in 2017 by Michael O'Mara
Books Limited

© Тортунова Е.С, перевод с английского, 2021

© Снегова В.Е., литературная редакция, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вступление

На протяжении долгих лет я встречалась для интервью со многими экспатами, живущими во Франции, и всех их можно было отнести к одной из трех категорий.

Группа 1 – пенсионеры.

Экспаты на пенсии едут во Францию за хорошей жизнью – вино, еда, погода, медицина, качество жизни. Некоторым из них переезд дается легко, некоторым не очень. В основном они счастливые ребята, которые берут максимум от новой жизни, даже если следят за бюджетом.

Группа 2 – беглецы.

Те, кто убегает от чего-то из дома, например, от разрушенного брака, или бизнеса, или от потери работы. Поездка во Францию может быть давней мечтой – или нет. В этой группе также оказываются те, кто ищет приключений за морем. На мой взгляд, для этой группы побег оказывается не самым удачным решением. Нужно правильное отношение, а некоторые из них так и не находят жизни, которую ищут, и иногда они даже возвращаются обратно. Остальные остаются, очарованные страной.

Группа 3 – меняющие стиль жизни.

Члены этой группы принимают решение о переезде во Францию часто потому, что они очень полюбили какое-то место – деревню, куда они поехали на отдых, дом, который стал для них родным, или просто качество жизни – или все это, вместо взятое.

В этой группе экспатов мои любимчики – те, кто влюбляется в полуразваленное здание, которое любой другой человек и трогать побоится. В голове этих мечтателей дом – это их личное шато ¹, даже если это на самом деле ферма. Для них такой дом воплощает уют, и они знают, что будут ценить его всегда.

Они покупают старые дома, которые французы покупать не хотят, – ведь чтобы их восстановить, провести воду и

---

¹ Шато – загородный дом аристократии во Франции.

электричество, потребуется целое состояние. Такие мечтатели ищут дома с несколькими акрами земли – выглядит очень живописно и рождает ощущение свободы и удаленности от безумной толпы.

Они бросают работу, дом, семью, друзей – и бегут за хорошей жизнью во Францию, надеясь, что им повезет. Упаковывают все имущество в грузовик, микроавтобус или машину, запихивают шокированных животных и иногда детей между чемоданами и кухонными принадлежностями и отправляются в розовый закат, радостно прощаясь с прошлой жизнью, погрузившись в мечты о новой жизни во Франции.

Они еще не вышли на пенсию, так что им надо найти новый источник дохода, и часто им приходится переключаться со старого карьерного пути на новые способы использования навыков для заработка денег – а это требует воображения.

Тот факт, что в их будущем доме не будет воды, электричества и ванной, не шокирует их – они планируют жизнь так, чтобы справляться со всеми проблемами. Нет крыши? Не проблема! Раньше они, может, и не работали руками, но они покупают книги и роются в интернете, чтобы узнать, как перекрыть крышу, установить окна, построить стены, оштукатурить комнату и положить пол...

В какой-то неизбежный момент они поймут, что дом, в который они влюбились, – это лачуга, денежная яма, вечно пустой желудок. Их бюджет давно закончился. Чтобы завершить ремонт дома, они должны удвоить смету. Бюрократи-

ческий кошмар получения вида на жительство пожирает их душу.

Акры земли, казавшиеся символом свободы, стали каторгой, требующей постоянных вложений, – надо косить траву, обрезать деревья, латать изгородь.

Отношения становятся напряженными – они винят друг друга в решении бросить ту работу, которая теперь кажется лучшей в мире, цивилизацию и комфорт.

Но в конце концов, благодаря целеустремленности и удаче дом медленно просыпается, как феникс, рождающийся из пламени, и здесь снова царит счастье.

Самые успешные экспаты, которых я видела, обладают схожими чертами – они очень целеустремленные, работающие, прагматичные, веселые, гибкие и в итоге учатся принимать тот факт, что иногда события идут не по намеченному плану. Они открывают хостелы и ресторанчики, пишут книги, становятся строителями, преподают английский, учатся чему-то новому, часто в креативной сфере. Они работают очень много и зарабатывают куда меньше, чем раньше, но они счастливы.

Вполне вероятно, что такие ребята немного сумасшедшие.

Я одна из них, и вот моя история о том, как я стала успешной французской экспаткой.

Жанин Марш

Глава 1. Сырым, холодным днем

Bonjour

Сырым, холодным и мрачным днем в феврале десять лет назад я одним днем поехала во Францию. Эта поездка изменила мою жизнь.

Я взяла отгул на работе в лондонском банке и поехала в Кале, в Северной Франции, купить вина с моим отцом Фрэнком и мужем Марком. Мы жили в юго-восточном Лондоне близко к отцу, так что попасть во Францию было легко. Мы могли выбрать между кораблем и поездом всего в часе езды от дома. Первая поездка в Кале оказалась такой легкой, что мы стали ездить туда регулярно. Мы покупали вино в одном из винных супермаркетов, обедали в дружелюбном городе, бродили по магазинам, пробовали местные сыры, которые как будто обжигали язык, и покупали вкуснейшие пироги, которых просто не бывает нигде, кроме Франции. Затем мы садились на корабль или поезд и отправлялись обратно до-

мой. В начале двухтысячных «алкокрузы», как их тогда называли, были очень популярны среди британцев, желавших погрузиться во все французские жидкости. Это было перед экономическим спадом, и паромы, сновавшие по Ла-Маншу, были полны людей, которые хвастались, что купят бутылку вина по цене яйца.

В тот февральский день было холодно. Шел мокрый снег, небо было отвратительного серого цвета, как будто кто-то раскрасил его грифельным карандашом. Мы укутались в пальто, шапки и перчатки, на полную включили отопление в машине и задавали себе вопрос, не сошли ли мы с ума, если едем во Францию в такую погоду.

В Кале мы зашли в винный магазин *Majestic*. Я решила показать отцу достойные французские вина, надеясь, что он будет меньше пить крепкий алкоголь, на который стал недавно налегать. Он раздражал всех вокруг – и это было его любимым занятием. Отец мог попробовать вино и максимально громко заявить, что оно мало чем отличается от ослиной мочи – впрочем, он никогда его не выплевывал. В итоге он приобрел бутылку крепкого мерло, и я не сомневаюсь в том, что персонал магазина всем коллективом выдохнул, когда мы вышли за дверь.

В этот печальный день, вместо того чтобы пообедать в Кале, как обычно, мидиями с картошкой фри (самым популярным блюдом Северной Франции), мы решили забраться поглубже. Мы выяснили, что в часе езды от Кале есть прият-

ный типично французский ресторан, где мы сможем насладиться вкуснейшим обедом и потом вовремя сесть на паром обратно в Дувр. От мысли об уютном кафе с дружелюбными официантами и шеф-поваром, который мог бы получить звезду Мишлен, но был заинтересован только в качественной готовке для местных, мы обливались слюной.

Копаясь в картах Франции, я случайным образом выбрала городок под названием Эден. Он был как будто подходящего размера: на карте несколько оранжевых прямоугольников показывали, что там было достаточно зданий, и я была уверена, что в одном из них уж точно есть место, где мы могли бы пристойно поесть. В конце концов, это Франция – страна высокой кухни.

Мы приехали в Эден как раз в тот момент, когда все рестораны города закрылись перед носом страждущих. Было два часа дня.

– Проклятье, – с отвращением сказал мой отец. – Кто ж захочет жить во Франции!

Мы бесцельно брели по главной улице города, поглубже спрятавшись в воротники пальто, защищаясь от кусачего ветра. Нам было совершенно все равно, что дома в городе были очень красивыми, что в них находились интересные маленькие магазинчики, что городская ратуша была построена во времена Карла V, императора Священной Римской империи и правителя этой части страны в XVI веке. Мы не видели ничего, кроме закрытых окон булочных и знаков «за-

крыто» на каждом ресторане.

Вскоре нам стало очевидно, что для голодных туристов в зимний день не был открыт ни один ресторан. Измотанные, мы направились на вымощенную булыжником центральную площадь, где припарковали машину. По дороге Марк остановился посмотреть в витрину агентства по недвижимости – он тогда работал в ипотечной индустрии и поэтому, куда бы он ни поехал, всегда смотрел цены на недвижимость. Мы с отцом нехотя притормозили. Пока мы стояли там, удрученно уткнувшись в крохотные фотографии домов за окном, по которому вниз сползали потоки мокрого снега, агент открыл дверь.

Он посмотрел на нас и сказал на английском (и как только догадался?):

– Хотите чашечку кофе? Вы, кажется, замерзли.

Папа зашел в помещение так быстро, что я и не заметила движения. Он устроился в теплом офисе и прилебывал кофе, который ему с удовольствием предложил француз.

– Настоящий истинный кофе – французский кофе, – объявил он. Кофе был похож на машинное масло – крепкий, густой и почти черный.

Раз уж мы зашли, агент, будучи хитрым представителем профессии, попытался продать нам дом. Шанс на это у него был равен шансу встретить единорога на пароме по пути домой. Единорога, на котором было написано: «Запрыгивай, я отвезу тебя обратно в Англию очень быстро, тебе не придет-

ся слушать, как два мужика ноют о том, как им холодно и как им не нравится этот день». Но я уже была тут. Агент по недвижимости смотрел прямо на меня.

– Сколько у вас денег?

– Нисколько, – ответила я. – У меня вообще нет денег.

– Если бы у вас были деньги на дом, сколько бы их было?

Так мы общались несколько минут, потихоньку отогреваясь, и в итоге француз сказал нам, что мы попали в местность невероятной красоты под названием «Семь долин». Историческое место. Дружелюбное и здесь есть что посмотреть.

– Здесь все закрыто, – буркнул отец.

Агент продолжал болтать о преимуществах жизни во Франции, о том, что наличие дачи может изменить жизнь семьи, что вот это конкретное место – истинная жемчужина, что дома стóят очень дешево, так дешево, что нас это удивит и что у нас на самом-то деле есть деньги.

В конце концов, я в шутку сказала, что если бы у меня были деньги, то их было бы меньше ста тысяч евро.

Агент аж поперхнулся и стал листать папку, лежавшую на столе. Марк и папа посмотрели на меня так, словно они увидели того единорога, который недавно мне привиделся.

Агент по недвижимости передал мне три листочка и сказал:

– Вот, три дома по цене меньше ста тысяч.

Нас отпустили – очевидно, что британцам две чашки кофе не положены. Он хотел, чтобы мы ушли. На дворе сто-

ял 2004 год, и все, кто приезжал из Великобритании, считались богачами и наверняка могли купить отстойные, старые французские дома за бешеные деньги.

Сели мы обратно в машину и стали спорить о том, что делать дальше. На многие мили вокруг не было ничего, кроме Эдена.

– С таким же успехом можно и на дома посмотреть, они не так уж далеко, – сказала я. Нам же надо было чем-то заняться. У моих любимых мужчин лица от злости побелели.

Марк изогнул бровь и посмотрел на меня тяжелым взглядом – и он выражал вовсе не «все, что ты хочешь, милая жена».

– Ну просто так, – добавила я. – Может, мы найдем открытый бар рядом с одним из них или по дороге увидим что-нибудь. Либо так, либо обратно в Кале.

«Открытый бар». Магические слова для двух замерзших мужчин. Мы отправились в путь вовсе не с серьезными намерениями – мы хотели просто найти открытое кафе где-нибудь в этой глубинке.

Следующие 30 минут мы ехали по крохотным деревенькам мимо сотен грязных полей с несчастными мокрыми коровами. Мы заметили пару церковных шпилей где-то на горизонте, но совершенно никаких признаков жизни или магазинов. В итоге мы приехали к одному из домов в списке.

Он находился в деревне, в которой была всего лишь одна улица, вдоль которой росли высокие деревья. Улица была та-

кой узкой, что разъехаться на ней могли только две машины. Вдоль дороги бежал небольшой ручей, поэтому к каждому дому был подведен мостик – они казались такими хрупкими, что вряд ли бы выдержали мужчину, не говоря уж о машине. К дому, на который мы приехали смотреть, тоже вел такой мостик. Здесь, очевидно, не было ни кафе, ни бара, так что я предложила осмотреть дом. Я тут же услышала многочисленные стоны – сам воздух в машине был наполнен страданием так же, как воздух снаружи – дождем.

Дом оказался длинной, низкой фермой с белыми стенами, синими окошками и красной черепичной крышей. Типично для этой местности – по дороге мы проезжали множество похожих строений. Дом был, очевидно, пуст, и давно. Сад, полный мусора, зарос сорняками, а на тропинке, ведущей к дому, виднелись следы пожара. Если бы на дворе был Хеллоуин, я бы ушла – дом выглядел настолько пугающе. На окнах не было жалюзи, как в остальных домах в деревне, так что можно было подсмотреть, в каком состоянии была гостиная. Все поверхности были покрыты линолеумом, популярным в 1960-х. Кто-то как будто представил, как могла бы выглядеть психоделическая картина – а потом попробовал ее изобразить. Оранжевые, коричневые, желтые завихрения и круги схлестнулись в битве за самый безумный узор. Тот, кто это придумал, был, вероятно, не в своем уме.

Казалось, что человек, который украшал комнату, тоже был нездоров. Линолеум лежал на полу, на стенах, на две-

ри и на потолке. Сложно было сделать комнату более тошнотворной. Мне подумалось, что это могло быть убежищем серийного убийцы. По крайней мере, в фильмах ужасов по телевизору были похожие.

К этому моменту ко мне уже присоединился Марк – отец отказался выходить из машины и тоже смотрел в грязные окна.

– Кто бы мог подумать, что внутри он может выглядеть еще хуже, чем снаружи. Хочешь его купить? – спросил он, хохоча, пока мы возвращались к машине.

Примерно милю мы проехали до следующего дома. И снова это была деревня без кафе, бара, магазинов и признаков жизни. Жалюзи закрыли дом от ледяного зимнего дня, клубы дыма поднимались из нескольких труб, и их тут же сносило ветром. Казалось, что это город привидений, и к тому же, хотя был только день, начинало темнеть.

– Вот и он, – сказала я Марку, наконец заметив номер дома.

Он остановил машину на обочине около довольно симпатичного дома – похожего на предыдущий, но без мусора, сорняков и мостика. Я не выходила из машины – смотреть под ледяным дождем на дома, которые ты не хочешь покупать, – такое себе развлечение.

Недалеко раздался собачий лай, и дверь ближайшего дома открылась. На крыльце появился худой лысый мужчина, одетый в зеленый свитер слегка военного вида. Он стоял не

двигаясь и смотрел в нашу сторону. Взгляд его был недружелюбным. Затем на улицу вышли короткостриженная женщина и два ребенка. Все они, не двигаясь, наблюдали за нами.

– Просто продолжай ехать, – зашипела я на Марка. – Это как в «У холмов есть глаза»². Они к этому готовились! – И мы поехали дальше.

Мы не собирались смотреть на последний дом, но он был по дороге к нашему парому.

Надо было проехать несколько миль по пустынным деревням, а затем свернуть к крутому холму, окруженному лесами и небольшими горами. Мы были в самом сердце Семи долин, и снова тут не было ни кафе, ни магазинов, ни людей. За час поездки мы не увидели ни одного места, где можно было бы поесть или выпить. Когда я это вспоминаю, все время задаюсь вопросом, что же заставило меня сделать то, что я сделала потом.

В этом городе тоже было несколько домов, похожих на фермы, большая церковь и крошечная ратуша, около которой на пустой парковке стояла елка, с которой печально свисали рождественские украшения. Последним домом в нашем импровизированном расписании просмотров оказался *longère* – деревенский домик (перевод я нашла в словаре, который взяла с собой). Он стоял на перекрестке, чуть в стороне, на небольшом холмике.

---

² «У холмов есть глаза» (The Hills Have Eyes, реж. А. Ажа, 2006) – американский фильм ужасов.

Мы проехали по чему-то вроде грязевого потока, так как на дорогу это едва ли было похоже, и остановились у сломанных ворот. Место было абсолютно непривлекательным и излучало мистическую атмосферу. Мы видели лишь часть дома из-за уродливой бетонной стены, которая закрывала сад, а то, что мы все-таки увидели, не смогло выманить нас из машины. Но я все же колебалась, и этого было достаточно, чтобы взбесить отца.

– А мы не можем просто вернуться в Кале и поехать домой? Мне холодно, скучно, и я голоден.

Он был прав – мы просто тратили время. В Кале или в порту мы могли по крайней мере купить чашечку горячего кофе, а куча ресторанов были открыты весь день из-за туристов.

Марк повернул ключ зажигания и был готов уезжать, и в этот момент дверь дома открылась, на улицу вышел мужчина и помахал нам.

– Подождите минуту, – сказала я. – Я просто скажу ему, что нам ничего не нужно, и тогда мы поедем обратно.

Я немного говорила по-французски и была уверена, что смогу объяснить, что мы не просто шастаем по деревням, чтобы ограбить какой-нибудь дом, – это на случай, если мужчина не понял, почему мы сидим в салоне авто и всматриваемся в окна. Я вышла из машины и подошла к воротам. Дорога была грязной, и вода неслась по ней к подножию холма. Каблуки вязли в грязи, которая была везде по дороге к воро-

там. Я услышала, как за мной открылась дверь машины: отец решил выйти покурить. Мужчина уже подошел к воротам и протянул мне руку.

– Вам помочь? – сказал он с английским акцентом. Здесь, во французской глуши.

И именно в этот момент прекратился дождь. Луч закатного солнца прорвался через тяжелые облака, и мне показалось, что я купаюсь в сияющем океане. У подножия грязного холма в чьем-то саду закричали утки, и эхо их веселого криканья разнеслось по долине как смех. Где-то недалеко я услышала нежное блеяние овцы – оно звучало как приветствие. Ритмичный, мелодичный и успокаивающий звук церковных колоколов поплыл в воздухе.

Казалось, что это была судьба.

– Здравствуйте, – сказала я. – Агент из Эдена рассказал нам об этом доме, и мы подумали, что его можно посмотреть.

– Обладеть, мы только вчера его выставили на продажу, – выпалил мужчина. – Мы пока не готовились к просмотрам. На самом деле тут живет моя дочь, и она пока не убиралась, и я вот как раз подошел, чтобы убедиться, что ветер не снес двери.

Я услышала, как отец хлопает носом у меня за спиной.

– Может, хотите чаю? – спросил мужчина.

– Да, спасибо, – ответила я, опасаясь поворачиваться к своим пассажирам. – Было бы очень здорово.

Я и сейчас не знаю, почему я приняла приглашение, про-

сто мне показалось это правильным, несмотря на ледяные взгляды, которыми наградили меня Марк и папа.

Глава 2. C'est la vie ³

Я из Лондона, и я кокни – это означает, что я родилась в пределах слышимости колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу в Центральном Лондоне. Мне нравится думать, что мое путешествие во Францию было предназначено судьбой, что оно началось в тот день, когда я родилась. Во-первых, Сент-Мэри-ле-Боу связана с Францией, так как земля, на которой стоит церковь, была получена епископом от Вильгельма I Завоевателя в благодарность за поддержку его вторжения в Ан-

---

³ C'est la vie (здесь и далее – перевод с французского, если не указано другое) – такова жизнь или это жизнь.

глию в 1066 году. И мы все знаем, чем это закончилось ⁴.

Во-вторых, меня зовут французским именем. Меня должны были назвать Этель, но вмешалась судьба.

Моя мама уже решила, что, если родится девочка, она назовет ее в честь любимой тети, которая жила недалеко от дома моих родителей в Бермондси, на юго-востоке Лондона, в 1960-х, когда они только поженились. Когда я родилась, УЗИ делали не так часто, так что рождение ребенка было похоже на вечеринку с сюрпризом – никто не знал, кто родится.

В день моего рождения акушерка приехала к маме на велосипеде и решила, что она должна поехать в больницу, а не остаться дома, как планировалось изначально. Моя мама была довольно миниатюрной, и сестра Кэссиди, акушерка, принимавшая всех детей в районе, волновалась насчет домашних родов у такой худенькой женщины. Маму перевезли в больницу в районе церкви Сент-Мэри-ле-Боу. Отец несколько не переживал и не волновался, поэтому решил провести день, делая ставки на ипподроме.

В те дни мужчины не хотели принимать участие в ежедневной рутине брачных отношений, и папа не понимал, зачем брать на себя ответственность и помогать. Так что, пока моя мама потела и кричала в роддоме, отец потел и кричал на ипподроме в Брайтоне. Оба достигли прекрасного результата.

Мама родила меня.

---

⁴ Вильгельм I, герцог Нормандии, стал королем Англии.

Папа выиграл пятьдесят фунтов, поставив на французскую лошадь по кличке Жанин.

Прибыв в больницу с букетом и коробкой турецких сладостей, чтобы, по его словам, мама «поскорее восстановилась», он взглянул на меня один раз и тут же объявил, что я выгляжу как жирное уродливое дитя любви Уинстона Черчилля и мистера Мишлена ⁵. Он, впрочем, немедленно заработал мою вечную благодарность тем, что настоял, чтобы меня назвали не Этель, а Жанин – в честь выигравшей лошади (что для отца было редкостью). Он объяснял это тем, что так мне выпадет счастливый шанс – слово «шанс» происходит от французского *une chance*, что означает «удача».

Папа был кем-то вроде доктора Джекила и мистера Хайда ⁶: то душа вечеринки, то нудный старик. Он слушал то Дюка Эллингтона ⁷, то Sex Pistols. Он пил лучшие вина и самый дешевый виски, великолепно играл в бридж и мог обыграть кого угодно – некоторые игроки предлагали ему деньги, чтобы он играл с ними в паре на соревнованиях. Папа мог производить в голове очень сложные вычисления с точностью

---

⁵ Мистер Мишлен, или Человек-Мишлен, является официальным маскотом шинной компании Michelin. Это талисман в виде фигуры, напоминающей человека, состоящий из уложенных друг на друга белых шин.

⁶ «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – повесть шотландского писателя Роберта Стивенсона о викторианском ученом, поставившем над собой опасный эксперимент и тем самым выпустившем на волю из глубин подсознания свое темное «я» – зловещего негодяя и убийцу мистера Хайда.

⁷ Один из наиболее известных джазовых музыкантов XX века.

калькулятора. Он был очень умный, мог впадать в глубокую печаль, а если вы переходили ему дорогу, то невозможно было получить его прощение.

Мама умерла за несколько лет до той судьбоносной поездки во Францию. Ее смерть разбила сердце отцу и оставила зияющую дыру в наших. В основном он держался благодаря азарту – папа никогда не мог удержаться от пари. Я помню, что, когда была ребенком, он спорил со мной, что засунет в рот больше шоколада, чем я, или играл со мной в карты на мои карманные деньги. Во время шоколадного соревнования мы сидели за столом, мама неодобрительно качала головой и пыталась не улыбаться. Сначала шоколадку брал папа, потом я. Было похоже на сцену из вестерна: сощуренные глаза, шумное дыхание через нос и рты, набитые сладким шоколадом.

Я всегда проигрывала.

Папа называл это «жизненным уроком». Он каждый день изучал гоночные списки – начиная с девяти лет и до дня своей смерти. Он был практически зависим от ставок на лошадей, собак и, в общем, на кого угодно. Его предки были выходцами из Италии, и сам он был худой, щеголеватый мужчина, всегда безупречно одетый и слегка похожий на Аль Пачино.

Чудовищно расстроенный потерей матери, он стал пить немного больше виски, чем ему следовало. Увещевания не работали – он всегда был бунтарем и никогда не делал того,

что был должен или того, что вы от него ожидали. Чтобы добиться своего, надо было обмануть его при помощи смекалки.

Мама спорила с ним по поводу моего имени – Жанин вместо Этель, но он был непоколебим в своем решении. Так как она была уставшей после родов, то просто сдалась. Не поймите меня неправильно, ничего плохого в имени Этель нет, но оно просто не мое.

Самые мои ранние воспоминания – о том, как мне сказали, что у меня французское имя. Я была поражена фактом, что я как будто чем-то отличаюсь, как будто в соревновании имен я была уже на шаг впереди. Большинство девочек в моей школе называли в честь их теть, поэтому имена Бренда и Бетти были довольно популярными. Много лет я не видела ни одну женщину по имени Жанин.

К сожалению, если твое имя какое-то другое, это не вызывает восторга у окружающих детей. «Жанин пасет скотин» – это был максимум, на который они оказались способны, но это было все равно куда лучше, чем то, что произошло с мальчиком по имени Карл. Позже, когда все поняли, что я медленно расту и всегда буду маленького роста, меня прозвали Грибом.

Когда я была маленькая, мы редко уезжали куда-то на каникулы, так как у нас не было лишних денег. Если мы и уезжали куда-то, то в кемпинг на английское побережье. Я помню, как дождь стучал по люку в крыше, как очень плохая

группа пыталась играть Донни Озмонда и Майкла Джексона и пляж, на котором песок смешивался с илом, и поэтому казалось, что тебя засасывает в... Ну, в общем, понятно. Жить было сложно, мы были бедны. Так что вы можете спросить, как же я оказалась во французской деревне?

Ну, на это ушло несколько лет и много работы, но само путешествие началось тем сырым, холодным и мрачным днем.

Глава 3. Un coup de foudre ⁸

– Заходите, насчет грязи не переживайте, – сказал мужчина, зазывая нас в дом.

Мне казалось, что я вхожу в Нарнию, так как нам пришлось пройти через небольшую деревянную коробку, похожую на платяной шкаф, выстроенную на входе в дом. Нельзя сказать, что она не была похожа на гроб из фильма ужасов. С потолка свисала паутина, со стен – обои из пятидесятых. Это была довольно низкопробная самоделка. Подумала ли я что-то плохое? Да. Ты мог войти в дом, только когда человек перед тобой уже протиснулся через эту коробку-крыльцо в

⁸ Un coup de foudre – удар молнии, или любовь с первого взгляда.

крохотную дверь и потом в гостиную.

К моему огромному удивлению, когда мы все пробрались внутрь, отец широко улыбался. Я поймала его взгляд и поняла, что узнаю это выражение лица. Папа считал, что это очень веселая ситуация. Он раньше был строителем и собирался разнести это место до фундамента. Марк был сбит с толку. Он любит, чтобы все было чисто и аккуратно. Когда-то он был полицейским (у него было много работ) – тяготел к порядку, поэтому сейчас был явно перегружен разноцветностью и захламленностью этой комнаты.

В гостиной лежал липкий ковер с отвратительным черно-оранжевым узором, вызывавший тошнотные ощущения и довольно сильно похожий на тот линолеум, что мы видели в предыдущем доме. Наша обувь хлюпала, потому что пол был очень влажным. Стены были выстроены из серых бетонных блоков с маленькими дырочками из известняка и из ДСП, в которых отлично себя чувствовали жучки. Тусклая лампа в углу унылой и мрачной гостиной подсвечивала клубы нашего дыхания – так тут было холодно.

Из гостиной вели три двери. Одна была явно для хоббитов, стеклянная, наверху полуметровой лестницы. Две других двери были деревянными, с матовыми стеклянными панелями янтарного цвета, которые добавляли комнате странный рыжий оттенок. Рядом с одной из дверей была лестница. К стене прислонился старый сервант из темного дерева, и даже в таком тусклом свете было видно, что он весь изъеден

червями, а каждый дюйм этого серванта был заполнен чашечками и фарфоровыми фигурками. В центре гостиной и одновременно столовой находились маленький квадратный черный деревянный стол и четыре стула.

– Я заварю чай, – сказал мужчина. – Может, хотите сначала осмотреться?

Я знала, что должна была сказать. «Нет, спасибо, этот дом как будто нарушает закон о торговле, притворяясь местом, где люди могут жить. Я не уверена, что пущу сюда козла, не говоря уж о человеке».

Но в итоге я, удивляясь самой себе, сказала вот что:

– Да, благодарю, это было бы мило. Меня зовут Жанин, это мой отец Фрэнк и мой муж Марк.

Марк смотрел на меня так, словно не понимал, кто стоит перед ним. Наш дом в Лондоне был чистым, аккуратным, теплым и уютным. Мы были городскими жителями, и в нашей жизни не было грязи. Как-то раз мы поехали на выходные в Корнуолл, в отель на ферме, и вернулись раньше, потому что нам не понравился деревенский запах. Мы проснулись на второе утро, и я спросила: «Чувствуешь запах коров?» И Марк с облегчением ответил: «Я думал, что это я, не в смысле коровами пахну, но ты меня, наверное, поняла». Так что мы вернулись к цивилизованной городской жизни, зная, что деревня не для нас.

Мужчина представился Уильямом и объяснил, что он следил за домом по просьбе дочери, которая служила во флоте.

Она обручилась с французом из этих краев и купила дом, чтобы жить поближе к нему, но так как он переезжает на юг по работе, она решила его продать.

– Давайте начнем со второго этажа. Осторожно, ступени узкие.

Узкие? Лестница вообще не была предназначена для людей. Может, для пикси или эльфов. Марк, рост которого больше 185 сантиметров, был вынужден согнуться и практически встать на четвереньки. Ступеньки были высокими и шириной не больше буфетного ящичка. Лестница изгибалась и приводила к люку на второй этаж. Я поднялась туда первой, и, хоть мой рост около полутора метров, даже мне пришлось пригнуться. Я смотрела, как Марк вылезает из люка – он выглядел как гигантский злой кролик, выглядывающий из норы.

Отец весело поднялся по ступеням, за ним пришел Уильям, и мы вчетвером стояли на листе фанеры, брошенном на перекрытия. Стены были выстроены из бетонных блоков, и второй этаж был похож на строительную площадку, которую забросили много лет назад. Тут была всего одна комната, занимавшая весь длинный и узкий второй этаж. Было темно, одинокая лампочка отбрасывала желтый свет на грязные полы. Везде свисала паутина, прилипала к одежде и к голове Марка – он был самым высоким и принял на себя основной удар. Тут пахло кошачьей мочой и чем-то, что я не смогла определить. Ветер свистел в дыре на крыше.

В углу у лестницы находилась большая деревянная коробка. Она выглядела как то крыльцо внизу, но с дверью-купе. Это была работа того же самого строителя.

– Это ванная, – сообщил Уильям, показывая на коробку.

Пол пружинил под ногами, когда мы шли к так называемой ванной, то есть к деревянному ящику с ярко-бирюзовой раковиной, которая гармонировала с лимонного цвета душевой кабиной. Одинокая наклейка «Спасите природу» висела на обшарпанной, видевшей лучшие дни стенке душа. Стены из ДСП были украшены гвоздями, которые служили вешалками для полотенец. Голая лампочка с торчащими проводами свисала с потолка.

– Довольно опасно.

Наконец-то кто-то нарушил тишину. Было сложно понять, что сказать, чтобы не обидеть хозяина, но мой отец об этом не переживал.

– Эта лампочка... – продолжал он, – ...если на нее попадет вода, то... БАМ! – закричал он, заставив всех подпрыгнуть, отчего пол сразу же прогнулся. Мне показалось, что мы стоим на трамплине и можем провалиться на первый этаж в любой момент.

– Что ж, – рассудительно заметил Уильям, – в этом доме никто и не принимает душ. Слишком холодно.

Я не могла смотреть на отца.

Мы осторожно спустились по лестнице, прошли по гостиной и зашли в еще одну маленькую бетонную комнатку. Там

находилась ржавая стиральная машинка и несколько железных стеллажей розового цвета, где нашли последний приют несколько огромных пауков. Уильям пнул скелет давно умершей птицы и сообщил, что это была кладовка.

Над моей головой в комнату заглядывала открытая труба, на конце которой болталась старая плетеная корзина – все для того, чтобы крысы не попали внутрь, объяснил Уильям таким тоном, словно это самая нормальная на свете вещь. Запах гнили был просто невыносим. В остальном доме он был просто неприятным, но тут было уже слишком. Пол был покрыт жидкостью, сочившейся из стен. Это, конечно, была самая худшая комната в доме.

– Спальня! – объявил Уильям, проведя нас через дверной проем, в котором Марку опять пришлось пригнуться. В этот момент даже Уильяму было тяжело найти что-то позитивное.

Кажется, интерьер этой комнаты был вдохновлен французскими шале, и почти вся комната сверху донизу была обита оранжевой вагонкой. Там было темно, мрачно, грязно и влажно. Слово «отвратительный» было придумано словно для этого дома.

Впрочем, была тут и искра надежды. Одна стена была сделана из кремня. Посреди всей этой грязи она смотрелась очень красиво.

– Это вы построили? – спросила я.

– Нет, – ответил Уильям. – Некоторым частям дома сот-

ни лет. Вот тут жили люди, а их животные жили в соседней комнате.

А, так вот что это был за запах. Сырой шерсти.

Кремниевая стена была построена на двух деревянных опорных балках, и в ней были два окна, которые смотрели на маленький дворик. Я увидела, что уже темнеет, а дождь так и не прекратился. Я знала, что нам уже пора возвращаться в Кале, чтобы попасть домой.

Мы быстро прошли по остальным комнатам, и каждая из них была ужасной. Ни одна не была пригодна для обитания, по крайней мере, по нашим стандартам, а назвать хотя бы одну из них привлекательной было абсолютно невозможно.

– Нам пора, – сказал Марк. – Надо вернуться в Кале, чтобы успеть на паром.

В его голосе я услышала отчаяние.

– Да, – поддержал его отец. – И я хочу покурить.

– Осталась всего одна комната, – сказал Уильям. – Кухня следующая, и там я сделаю чай.

Комната была длинной и желтой. В ней стояла старая угольная печка, которая пыталась, довольно безуспешно, добавить дому тепла. Там была раковина со сколами, самая дешевая в мире кухня, грязный пол и дверь, ведущая неизвестно куда. Была хоббитская дверь, которая соединяла комнату с гостиной. Помимо этого всего в комнате было гигантское видовое окно, которое смотрело в сад, занимая половину стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.